

Литвинка

Автор:

Михаил Лермонтов

Литвинка

Михаил Юрьевич Лермонтов

Поэмы

Михаил Юрьевич Лермонтов

Литвинка

повесть

1

Чей старый терем на горе крутой

Рисуется с зубчатою стеной?

Бессменный царь синеющих полей,

Кого хранит он твердостью своей?

Кто темным сводам поверять привык

Молитвы шепот и веселья клик?

Его владельца назову я вам:

Под именем Арсения друзьям

И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспаривать не смел
Еще никто; – он больше не хотел!
Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на войне,
Когда к нему являлися оне, —
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не знал;
Не потому ль, что слишком рано он
Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча,
И красная являлась епанча,
Бежал татарин, и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;

И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

З

И возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла —
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! – Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных наград?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

Два дня прошло, – и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнание разделить решила с ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь – одна молитва будет там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвись и им дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и закон,
Всё презирал для новой страсти он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких слов
Из хитрых уст, Арсений был готов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, всё, – в угодность ей!

Светило дня, краснея сквозь туман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит прощальный луч,
Так сладостно, так тихо и светло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы той,
Где так недавно с радостью живой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копье; —
Теперь... где сын и мать? – На месте их
Сидит литвинка, дочь степей чужих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...

И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! – Там никто бы ей
Не смел сказать: хочу любви твоей!..

6

Она должна с покорностью немой
Любить того, кто грозною войной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных слов
Затверживать, и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью принуждать,
И страстью небывалой объяснять
Летучий вздох и влажный пламень глаз;
Она должна... но мщенью будет час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.

В покоях пышных блещет свет лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И веря той улыбке, восхищен
Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный войной;
Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара говорит:
«Ты любишь ли меня?» – «Какой вопрос? —
Воскликнул он. – Кто ж больше перенес
И для тебя так много погубил,
Как я? – и твой Арсений не любил?
И, – человек, – я б мог обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот – мой рай

У ног твоих! – и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадой дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей:
Суров и дик между других людей!
Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыхание уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб – но лишь не раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/mihail-lermontov/litvinka>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)